

БОРИС КУРКИН

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВСАДНИК

Это было сущее чудо.

И случилось оно в Кремле, во дворце, по старинке прозываемом “Чудовым”, ибо расположен он был подле Чудова монастыря, в котором разворачивалось действие сотворённого уже “Бориса Годунова”. В Малом Николаевском дворце впервые встретились только что взошедший на трон Царь и опальный Поэт.

Чудо заключалось уже в одном том, что их встреча произошла: Царь вызвал поэта — мелкого отставного чиновника, острослова всея Руси — из глуши, из “мрака заточенья” и велел предстать ему пред свои ясны державны очи. Но мало ли было в России обиженных и наказанных властью? “Кто Богу не грешен, Царю не виноват?” Всех не перечесть, пусть даже родовитых, тех, за кого было кому похлопотать?

Оба они были в ту пору молоды: Царю — 30 лет, Пушкину — 27.

Сведения о Пушкине, ложившиеся на стол Государю, были, мягко говоря, неутешительны. Вот что доносил А. Х. Бенкендорфу тогда агент III Отделения С. И. Висковатов — поэт и плодовитый драматург, переводчик Шекспира — в феврале 1826-го: “Прибывшие на сих днях из Псковской губернии достойные вероятия особы удостоверяют, что известный по вольнодумным, вредным и развратным стихотворениям титулярный советник Александр Пушкин, по высочайшему в Бозе почившего императора Александра Павловича повелению определённый к надзору местного начальства в имении матери его, состоящем Псковской губернии в Апоческом уезде, и ныне при буйном и развратном поведении открыто проповедует безбожие и неповиновение властям и по получении горестнейшего для всей России известия о кончине Государя Императора Александра Павловича он, Пушкин, изрыгнул следующие адские слова: “Наконец не стало Тирана, да и оставший род его не долго в живых останется!!”¹

Войдём в положение молодого Царя: донесению вполне можно верить. Кто бы на месте Пушкина от души не радовался смерти преследовавшего его ненавистного начальника?²

Но будем держать в уме, что слова своего брата, Императора Александра, о желании отречься от трона и уйти на покой, передав дела ему, Николаю, тот встретил со слезами и рыданиями: слишком велико было дело, он не чувствовал в себе “ни сил, ни духу на столь великое дело”, и одной мыслью Николая, одним желанием его было служить Царю “изо всей души и сил, и разумения!”³

Таковы были чувства, которые испытывал в тот момент Николай, таково было осознание своей ответственности. И вот теперь перед молодым Царём стоял человек, бурно радовавшийся смерти его брата и предвещавший погибель всего царского рода и его, Николая, в том числе.

Какие чувства должен был испытывать царь к бунтовщикам, одержимым похотью власти и не ставившим себе никаких моральных преград на пути её захвата?

Оценим же по достоинству пронизательность, рыцарство и великодушие молодого Государя, оценившего ум Пушкина, его искренность и прямоту, простившего и понявшего Поэта.

О драматических отношениях Царя, его Генерала и Поэта можно говорить бесконечно: всегда придёт на ум что-то новое в раздумьях над давно известными фактами. Вопрос только в том, как к этим фактам относиться.

Но будем постоянно держать в уме: Царь Николай отвечал за всё Государство Российское, генерал Бенкендорф – за безопасность Государя и государства, а поэт Пушкин как лицо партикулярное – исключительно за самого себя. Однако, судя по трудам этих людей, их объединяло чувство и сознание своей ответственности перед Богом за Россию, и несли они её каждый в меру своих сил и способностей.

Служебное и общественное положение всех троих диктовало императивы поведения и определяло логику их поступков.

Все они были христианами, у каждого из них было своё послушание. И они выполняли его как могли, но на совесть.

То, что отношения между Царём и Бенкендорфом, с одной стороны, и Пушкиным – с другой превращались в острую драму, вполне достойную пушкинского пера, – всего лишь факт их личной биографии, не имеющий по прошествии без малого двух веков принципиального значения.

“И нам сочувствие даётся, / Как нам дается благодать”, – скажет на склоне лет Ф. И. Тютчев. И что Россию не понять умом, скажет тоже он.

“Я очарован слогом письма Пушкина...”⁴ – скажет о Поэте Царь и назовёт его “одним из умнейших людей России”.

“Его я просто полюбил: / Он бодро, честно правит нами”, – скажет о Царе Поэт.

Бенкендорф примет слова одного и другого к сведению.

В 1832 году Пушкин напишет ещё одно стихотворение, посвящённое Царю, – “С Гомером долго ты беседовал один...” Советские литературоведы будут лезть из кожи вон, пытаясь доказать, что обращение в стихотворении Пушкина не к царю Николаю I, а поэту и переводчику Николаю Гнедичу. И даже свидетельства Гоголя не будут им указом.

Когда же Пушкин будет составлять по поручению Царя свою служебную записку “О народном воспитании”, а Бенкендорф (в порядке личной инициативы) – “О тайных обществах в России”, то наблюдения Поэта и Генерала относительно состояния умов элиты русского общества окажутся схожи.

“Весьма не худо бы казалось, – писал Бенкендорф, – чтобы офицеры как люди, до поступления ещё на службу совершенно приготовившиеся, перестали посещать частно преподаваемые курсы, особенно политических наук, поверхностное изучение которых без предварительных прочных оснований и без пособия других наук наносит величайший вред. Сие полупознание поставляет в такое сомнительное положение, в котором воображение воспламенено, дух встревожен, а ум, блуждая во мраке без руководителя, ищет того, чего не видит и не постигает, и кончает тем, что или ещё более возрастает сомнение, или же приводит на скользкий путь заблуждений”⁵.

А это уже Пушкин: “... мы увидели либеральные идеи необходимой вывеской хорошего воспитания, разговор исключительно политический; литературу (подавленную самой своенравною цензурою), превратившуюся в рукописные пасквили на правительство и возмутительные песни; наконец, и тайные общества, заговоры, замыслы более или менее кровавые и безумные. <...> Не одно влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитание, или, лучше сказать, отсутствие воспитания есть корень всякого зла. Не просвещению, сказано в Высочайшем Манифесте от 13-го июля 1826 года, но праздности ума, более вредной, чем праздность телесных сил, недостатку твердых познаний должно приписать сие своевольство мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец – погибель”⁶. (Имеется в виду мятеж 14 декабря 1825 года. – Авт.) <...> Должно обратить строгое внимание на рукописи, ходящие между воспитанниками. За найденную похабную рукопись положить тягчайшее наказание; за возмутительную –

исключение из училища, но без дальнейшего гонения по службе: наказывать юношу или взрослого человека за вину отрока есть дело ужасное и, к несчастью, слишком у нас обыкновенное. <...> Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину. *История Государства Российского* есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека. Россия слишком мало известна русским; сверх её истории, её статистика, её законодательство требует особенных кафедр. Изучение России должно будет преимущественно занять в окончателные годы умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целию искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве. <...> Преподавание истории (особенно новейшей) должно будет совершенно измениться. Можно будет с хладнокровием показать разницу духа народов, источника нужд и требований государственных”⁷.

Звучит актуально. Актуальной некуда.

Ознакомившись с запиской Пушкина, Бенкендорф напишет Царю: “Вследствие разговора, который у меня был, по приказанию Вашего Величества, с Пушкиным, он мне только что прислал свои заметки на общественное воспитание, который при сём прилагаю. Заметки человека, возвращающегося к здравому смыслу”⁸.

Весьма примечательно, что высшая власть апеллировала в Манифесте не к праву, что было бы вполне естественно, а к чувству русского человека, его религиозно-нравственному сознанию.

“Не в свойствах, не во нравах Русских был сей умысел. Составленный горстию извергов, он заразил ближайшее их сообщество, сердца развратные и мечтательность дерзновенную; но в десять лет злонамеренных усилий не проник, не мог проникнуть далее. — Сердце России для него было и всегда будет неприступно. Не посрамится имя Русское изменою Престолу и Отечеству”⁹.

“В нём зрелся Русский Царь”, — напишет на смерть Государя П. А. Вяземский¹⁰. А в 1860 году прозревший князь-либерал напишет стихотворение “Заметка” (приведём его полностью):

*Послушать: век наш — век свободы,
А в сущность глубже загляни —
Свободных мыслей коноводы
Восточным деспотам сродни.
У них два веса, два мерила,
Двоякий взгляд, двоякий суд:
Себе даётся власть и сила,
Своих — наверх, других — под спуд.
У них на всё есть лозунг строгий
Под либеральным их клеймом:
Не смей идти своей дорогой,
Не смей ты жить своим умом.
Когда кого они прославят,
Пред тем — колена преклони.
Кого они опалой давят,
Того и ты за них лягни.
Свобода, правда, сахар сладкий,
Но от плантаторов беда;
Куда как тяжки их порядки
Рабам свободного труда!
Свобода — превращеньем роли —
На их условном языке
Есть отреченье личной воли,
Чтоб быть винтом в паровике;
Быть попугаем однозвучным,
Который, весь оторопев,
Твердит с усердием докучным
Ему насвистанный напев.
Скажу с сознанием печальным:
Не вижу разницы большой*

*Между холопством либеральным
И всякой барщиной другой*¹¹.

Предупреждения Поэта и Генерала об опасности “полуобразованщины” были не напрасны. Когда недоучившиеся гимназисты, студенты и семинаристы дорвутся в 1917 году до власти, Россия умоется кровью.

Не один Пушкин бил тревогу по поводу состояния молодых русских умов. Вот что писал в это же самое время — в 1826 году — только что назначенный в III Отделение полковник жандармского полка И. П. Бибиков генералу А. Х Бенкендорфу: “Я непрерывно размышляю о том, какими средствами можно было бы ещё крепче связать узы, соединяющие Государя с его народом, и полагаю, что, кроме тех важных предметов, о которых я имел честь вести с Вами беседу в моих письмах, необходимо сосредоточить внимание на студентах и вообще на всех учащихся в общественных учебных заведениях. Воспитанные, по большей части, в идеях мятежных и сформировавшихся в принципах, противных религии, они представляют собою рассадник, который со временем может стать гибельным для отечества и для законной власти.

Равным образом необходимо учредить достаточно бдительное наблюдение за молодыми поэтами и журналистами. Однако при помощи одной лишь строгости нельзя найти помощи против того зла, которое их писания уже сделали и ещё могут сделать России: выиграли ли что-нибудь от того, что сослали молодого Пушкина в Крым? Эти молодые люди, оказавшись в одиночестве в таких пустынях, отлучённые, так сказать, от всякого мыслящего общества, лишённые всех надежд на заре жизни, изливают жёлчь, вызываемую недовольством, в своих сочинениях, наводняют государство массой мятежных стихотворений, которые разносят пламя восстания во все состояния и нападают опасным и вероломным оружием насмешки на святость религии — этой узды, необходимой для всех народов, а особенно — для русских признанных мудрецов, и они изменяют своё мнение, так как не следует верить тому, что эти горячие головы руководились любовью к добру или благородным патриотическим порывом, — нет, их пожирает лишь честолюбие и страх перед мыслью быть смешанными с толпою.

Сообщаю здесь стихи, которые ходят даже в провинции и которые служат доказательством того, что есть ещё много людей зложелательных:

*Паситесь, русские народы,
Для вас не внятны славы клич,
Не нужны вам дары свободы,
— Вас надо резать — или стричь*¹².

Нельзя не признать, что полковник Бибиков был умён, проницателен и ставил верный диагноз. Жандармский чин ясно осознавал, что безбожие порождает шаткость ума, недомыслие, тщеславие и гордыню — со всеми вытекающими отсюда трагическими последствиями. Эту тему будет развивать позднее Ф. М. Достоевский.

Думается, И. П. Бибиков сознавал мрачную перспективу: пытаться влиять административными мерами на дух общества, конечно, можно, но в долгосрочной перспективе дело это явно безнадёжное. Происходило самое страшное, что могло произойти: общество морально разлагалось, и никакой Царь не мог бы предотвратить этого и выправить положение, пользуясь лишь мирскими средствами.

Но что-то делать надо было срочно, здесь и сейчас.

В юности и бурной молодости Пушкин снискал себе славу вольнодумца, и по инерции эта слава преследовала его всю оставшуюся жизнь. Доказательство того, что Пушкин был не “либералом”, а убеждённым государственным и монархистом — “просвещённым консерватором”, каковым величал он себя сам, — открылось высшей власти лишь по смерти поэта, когда настал черед разбора его бумаг. Хотя открылось ли?

Когда после окончания Второй мировой войны один русский автор-эмигрант назовёт Пушкина контрреволюционером, он будет недалёк от истины¹³.

“Сочинения — это совесть писателей”, — сей блестящий афоризм Бенкендорф поместил в очередной докладной записке Государю¹⁴.

Читаем ежегодный отчёт III Отделения за 1830 год. «Среди молодых людей, воспитанных за границей или иностранцами в России, а также воспитанников лицея и пансиона при Московском университете, и среди некоторых безбородых лихоимцев и других праздных субъектов мы встречаем многих пропитанных либеральными идеями, мечтающих о революциях и верящих в возможность конституционного правления в России. Среди этих молодых людей, связанных узами дружбы, родства и общих чувств, образовались три партии, одна в Москве и две в Петербурге. Цель их — распространение либеральных идей; они стремятся овладеть общественным мнением и вступить в связь с военной молодёжью. В последнем отношении так называемые политические училища — как инженерные, артиллерийские и особенно путей сообщения, где офицеры жалуются на то, что с ними обращаются как со школьниками, — способствуют пополнению их рядов, так же как и унтер-офицерская школа, представляющая богатую почву для их эксплуатации. Люди, в этом отношении осведомлённые, признают эти училища очень вредными, потому что нет ничего легче, как заронить в подобное учреждение пагубные горящие головни.

Из двух выше упомянутых партий одна в Москве и одна в Петербурге находятся вполне под влиянием нескольких литераторов, стремящихся во что бы то ни стало овладеть общественным мнением. Кумиром этой партии является Пушкин, революционные стихи которого, как «Кинжал» (Занда), «Ода на вольность» и т. д., и т. д., переписываются и раздаются направо и налево. Приверженцы этих партий выдают за своего покровителя г. Жуковского¹⁵.

В своё время — в 1826 году — Пушкин уже давал показания следователю относительно имевших хождение по рукам «возмутительных стихов» за его подписью, о чем позднее и отписывал Вяземскому: «Бунт и революция мне никогда не нравились, это правда; но я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков. Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова»¹⁶.

Скажем больше: на популярность крамольных стихов Пушкина в среде заговорщиков указывал едва ли не каждый подследственный декабрист, однако никакие иные предосудительных, с точки зрения власти, деяний за поэтом не числилось. Образ Пушкина, сложившийся у власти по ходу следствия, можно выразить известной русской поговоркой: «Без Царя в голове».

Получив известие о кончине Пушкина, Николай отправил Бенкендорфу записку, в которой говорилось: «Пушкин умер; я приказал Жуковскому приложить свою печать к его кабинету и предлагаю Вам послать Дубельта к Жуковскому, чтобы он приложил жандармскую печать для большей сохранности.

По истечении восьми дней эти два лица снимут печати, и Жуковский разберёт бумаги»¹⁷.

Распоряжение Николая можно рассматривать и впрямь как заботу о сохранности бумаг Пушкина. Вполне разумная мера.

Доверия власти Пушкину («доверенности», как говаривали в пушкинские времена) со стороны властей подобные настроения явно не добавляли.

Подозрение, что он человек не вполне «благонамеренный», проявилось и в том, что В. А. Жуковский, назначенный для просмотра бумаг поэта, вынужден был заниматься этим делом в присутствии жандармского генерала Л. В. Дубельта¹⁸. Жуковского это возмутило. По всему выходило, что полного доверия не было и ему, наставнику Цесаревича. Однако всем памятно было его заступничество за декабристов, едва не обрушивших государство, и за Н. Тургенева.

«Ты при моём сыне. Как тебе слыть сообщником людей безпорядочных или осуждённых за преступления?»¹⁹ — спрашивал Жуковского Царь, более недоумевающая, нежели гневаясь. Речь шла не только о декабристах, но и о Н. Тургеневе, которого Пушкин назовёт «политическим фанатиком»²⁰. По виду бесстрастный Бенкендорф отзовется о Тургеневе сходным образом: «Нимало не скрывает своих правил, гордится названием якобинца, грезит гильотиною и, не имея ничего святого, готов всем пожертвовать, в надежде выиграть всё при перевороте. Его-то наставлениями и побуждениями многим молодым людям вселён пагубный образ мыслить»²¹.

Такова уж природа «благородного дела сыска»: не доверять никому, а доверяя, проверять и перепроверять. Несомненно, это может оскорблять и оскорбляет чувства свободного и честного человека, но следствию и следователям чужды сантименты: поиск истины — прежде всего. Иное дело проявляемые при этом уживчивость и такт.

Правда, вежливостью, подчас подчёркнутой и изысканной, Пушкин и Бенкендорф (или наоборот: Бенкендорф и Пушкин) не раз доводили друг друга до тихого бешенства. Известный библиофил и библиограф А. С. Соболевский говорил по сему поводу о Бенкендорфе: “Совершенный европеец. Он вежлив, по его вежливость бывает иногда наглой, что выводило Пушкина из себя. Но он часто отвечал ему такой же вежливостью”²².

Для Бенкендорфа Пушкин был “шалопай” и “либерал”, Бенкендорф был для Пушкина холодный чинуша, “полицейский чин”, “немец” в чистом виде. Это не помешало им пару раз положительно отозваться друг о друге.

Бенкендорф в письме к Государю отметил ум Пушкина и полезность использования его в государственных целях²³, Пушкин – тоже в частном письме (к Вяземскому) – советовал своему другу: “... в сущности, это честный и достойный человек, слишком беспечный для того, чтобы быть злопамятным, и слишком благородный, чтобы стараться повредить тебе... не допускай в себе враждебных чувств и постарайся поговорить с ним откровенно”²⁴.

Но кого же не возмутит перлюстрация его частной корреспонденции. Тем паче писем к жене? Тем паче Пушкина с его взрывным (“африканским”) темпераментом... Ох, не приведи, Господи, оказаться на месте людей, вскрывающих и читающих чужие письма, но для них это была лишь работа.

Грязная и неблагодарная.

Служба-с.

И цинизм – часть сей профессии.

Здесь уместно будет напомнить слова из докладной записки Бенкендорфа: “События 14-го декабря и страшный заговор, подготовлявший уже более десяти лет эти события, вполне доказывают ничтожество нашей полиции и необходимость организовать новую полицейскую власть по обдуманному плану, приведённому как можно быстрее в исполнение. Тайная полиция почти невысказанно; **честные люди боятся ея, а бездельники легко осваиваются с ней.**

Вскрытие корреспонденции составляет одно из средств тайной полиции и при том самое лучшее, так как оно действует постоянно и обнимает все пункты Империи”²⁵.

Всякий порядочный человек, продолжает Генерал, “сознаёт необходимость бдительной полиции, охраняющей спокойствие общества и предупреждающей беспорядки и преступления. Но всякий опасается полиции, опирающейся на доносы и интриги. Первая внушает честным людям безопасность, вторая же пугает их и удаляет от престола”²⁶.

Насколько тяжело порядочному человеку одно лишь присутствие при чтении чужих писем, свидетельствует пример Жуковского. “Все письма (Пушкина. – Авт.), – писал он Царю, – были пересмотрены, и в них не нашлось ничего, кроме, может быть, [немногих резких] нескольких вольных шуток или бранных слов, вырвавшихся в свободе переписки [но какая нужда государству до] и недостойных внимания Правительства. Но признаюсь, государь, моё положение было чрезвычайно тягостное. Хотя я сам и не читал ни одного из писем, а представил это исключительно моему товарищу генералу Дубельту. Но всё было мне [тяжело видеть письма] прискорбно так сказать присутствием своим принимать [там личное] участие в нарушении семейственной тайны”²⁷.

“К чему, скажите мне, хранительная стража?”

Ничего не попишешь... “Мирская власть”²⁸.

Власть тоже можно понять: она опасалась заговоров, а память о мятеже 14 декабря 1825 года была свежа и свежести своей с годами не утрачивала. Да и масонские ложи, несмотря на очередной царский указ, никуда не исчезли: они просто ушли в подполье. О провинциальном масонстве в России написано столько, что хватит на добрую библиотеку.

Особенно оскорбительно выглядела для почитателей Пушкина организация прощания с ним: власть опасалась крупной и совершенно ненужной ей “либеральной демонстрации”.

“Пушкин соединял в себе два отдельные существа, – говорилось в отчёте III Отделения за 1837 год²⁹. – **Он был великий поэт и великий либерал, ненавистник всякой власти** (выделено нами. – Авт.). Осыпанный благодеяниями Государя, он, однако же, до самого конца жизни не изменился в своих правилах, а только в последние годы стал осторожнее в изъяснении оных.

Сообразно сим двум свойствам Пушкина образовался и круг его приверженцев: он состоял из литераторов и из всех либералов нашего общества.

И те, и другие приняли живейшее, самое пламенное участие в смерти Пушкина; собрание посетителей при теле было необыкновенное; отпевание намеревались делать торжественное; многие располагали следовать за гробом до самого места погребения в Псковской губернии; наконец, дошли слухи, что будто в самом Пскове предполагалось выпрячь лошадей и везти гроб людьми, приготовив к тому жителей Пскова. Мудрено было решить, не относились ли все эти почести более к Пушкину-либералу, нежели к Пушкину-поэту. В сём недоумении и имея в виду отзывы многих благомыслящих людей, что подобное как бы народное изъявление скорби о смерти Пушкина представляет некоторым образом неприличную картину торжества либералов, высшее наблюдение признало свою обязанностью мерами негласными устранить все сии почести, что и было исполнено³⁰.

Прислушивался ли Царь ко мнению Пушкина? Безусловно, дурного и глупого Пушкин бы Государю не посоветовал. Оказал ли влияние «Борис Годунов» на Николая Павловича? Постараемся ответить на этот вопрос, исходя из исторических документов, свидетельствующих о нравственном облике Государя.

Николай был наделён тонким эстетическим чувством. Свидетельство тому, как отмечал замечательный русский пушкинист П. М. Бицилли, «письма Николая I к жене из Италии, из которых видно, что он не только «воспринимал красоты искусства», но и способен был приходить от них в восторг»³¹.

Как-то не вяжется это свидетельство с образом «тупого солдафона», который агрессивно навязывался народу и до революции, и после неё.

Разумеется, ни либеральная профессура, ни полубобразованные разночинцы, ни социалисты всех мастей (и в первую очередь, большевики) не могли простить Царю подавление противогосударственного мятежа и превратили смутьянов и бунтовщиков в культовые фигуры.

До нашего времени дошло очень мало сведений о литературных вкусах Царя. Достоверно сказать можно лишь то, что он любил Вальтера Скотта, М. Загоскина, Пушкина и Гоголя, которому в знак Высочайшей милости подарил перстень с бриллиантом и предложил поработать на русскую разведку: Царю нужен был в чужих землях свой острый и независимый глаз³². Посему для понимания взглядов Царя на литературу и жизнь особенно ценна его оценка «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова, точнее, «Журнала Печорина».

«Я дочитал «Героя» до конца, — говорится в письме Царя к жене, — и нахожу вторую часть отвратительной, **вполне достойной быть в моде**. Это то же самое преувеличенное изображение презренных характеров, которое имеется в нынешних иностранных романах. Такие романы портят характер. Ибо хотя такую вещь читают с досадой, но всё-таки она оставляет тягостное впечатление, потому что в конце концов привыкаешь думать, что весь мир состоит из подобных людей, у которых даже лучшие, на первый взгляд, поступки проистекают из отвратительных и фальшивых побуждений. Что должно из этого следовать? Презрение или ненависть к человечеству! Но это ли цель нашего пребывания на земле? Ведь и без того есть склонность стать ипохондриком или мизантропом, так зачем же поощряют или развивают подобного рода изображениями эти склонности! Итак, я повторяю, что, по моему убеждению, это жалкая книга, обнаруживающая большую испорченность её автора. Характер капитана намечен удачно. Когда я начал это сочинение, надеялся и радовался, думая, что он и будет, вероятно, героем нашего времени, потому что в этом классе есть гораздо более настоящие люди, чем те, которых обыкновенно так называют. В кавказском корпусе, конечно, много таких людей, но их мало кто знает; однако капитан появляется в этом романе как надежда, которой не суждено осуществиться. Господин Лермонтов оказался неспособным представить этот благородный и простой характер; он заменяет его жалкими, очень мало привлекательными личностями, которых нужно было оставить в стороне (даже если они существуют), чтобы не возбуждать досады. Счастливого пути, господин Лермонтов, пусть он очистит себе голову, если это может произойти в среде, где он найдёт людей, чтобы дорисовать до конца характер своего капитана, допуская, что он вообще в состоянии схватить и изобразить его»³³. Это анализ, достойный профессионального литературоведа.

Известно, что Николай будет в дальнейшем всячески поощрять Н. В. Гоголя, положительно отзовётся о произведениях молодого Л. Толстого.

Николай прекрасно сознавал, что литература не только отражает, но и формирует нравы и настроения, царящие в обществе. И существующее положение дел Государя никак не радовало.

И Царь, и Поэт умели производить впечатление. Собственно, для этого они ничего не делали. Впечатлял масштаб личности обоих.

Известный писатель-славянофил И. С. Аксаков оставил нам рассказ со слов А. О. Смирновой-Россет: “Однажды Пушкин, гуляя по Царскому Селу, встретил коляску, вмещавшую в себе не более, не менее, как Николая Павловича. Царь приказал остановиться и, подзвав к себе Пушкина, потолковал с ним о том о сём очень ласково. Пушкин прямо с прогулки приходит к Смирновой... “Что с вами?” – спросила Смирнова, всматриваясь в его лицо. Пушкин рассказал ей про встречу и прибавил: “Чорт возьми, почувствовал подлость во всех жилах!”³⁴.

Уместно напомнить читателю, что под “подлостью” тогда понимали не низость души, а статус подчинённого, подвластного. “Подлый народ” – подвластный правителю народ.

Сердце Поэта искало покоя и воли. Вероятно, того же желал себе и Царь Николай, безропотно несший свой крест – крест Русского Самодержца.

* * *

Замечательный русский пушкинист П. М. Бицилли назовёт Царя придирчивым и порою жестоким, – быть может, бессознательно – тюремщиком. И тут же пояснит свою мысль: “Пушкин был *его подданным*, и иначе, как свысока, царь уже потому не мог смотреть на него. Идиллическая “дружба” царя с поэтом – явный вымысел... <...> И в то же время Николай I не только *видел* гений Пушкина, не только *эксплуатировал* этот гений, но и сам находился под его обаянием”³⁵.

Со всем этим можно в принципе согласиться, но возникает вопрос: “Что значит “эксплуатировал” гений Пушкина?”

Сделаем скидку на то, что статью свою Павел Михайлович печатал хоть и не в советском журнале, но в парижском (“Звено”), где тоже была своя “цензура”, пусть не большевистская, но “корпоративная”, либеральная, эмигрантская. А все либералы во все времена люто ненавидели Царя. Отсюда и акценты Бицилли в оценке личности и дел Государя, и оговорки по части “тюремщика”.

Да, Царь был строг к Пушкину, порой наверняка излишне строг, так строг, что Пушкин (скорее всего, справедливо) воспринимал это как унижение и оскорбление личного достоинства. Но будем помнить: Царь был строг со всеми своими подданными, включая своих детей, и строгость Николая была легендарной. Исключением из этого ряда была лишь глубоко любимая им супруга.

Царь был строг и к самому себе, он умел признавать свои ошибки. Вот что писал уже после его смерти жандармский генерал, немалый чин III Отделения Е. И. В. Канцелярии Л. В. Дубельт (“самый умный во всех трёх отделениях”, как писал о нём его ненавистник А. И. Герцен): “При всей строгой наружности Императора Николая Павловича он человек самого мягкого, доброго сердца; чувства его всегда возвышенны, благородны – он настоящий рыцарь *sans peur et sans reproche* (без страха и упрека). – Последнему из министров труднее говорить правду, нежели ему. – При личных докладах Он выслушивает её с величайшим вниманием; позволяет даже спорить с собою и свободно выражать свой образ мыслей и взгляд на дела и вещи. В таком самостоятельном, непреклонном характере это черта высокая, и мы редко, почти никогда не встречаем её даже в мелких властелинах.

Несколько дней тому назад Он приказал мне посадить в крепость одного еврея, виновность которого ещё не была совершенно доказана. Я осмелился возразить и сказал: “Дайте время. Государь, – рассмотрим дело подробно, и ежели он точно виноват, то не уйдёт от нас, – ежели же он окажется невинным, то чем искупите Вы его невинное заключение?” – Правда, что он взглянул на меня так строго, что признаюсь, хоть сквозь землю провалиться, и я подумал: “Ну, быть беде!” Но, помолчав несколько, он только сказал: “Нет, посади его в крепость!” Приказание я исполнил, а через 4 месяца обнаружилась совершенная невинность несчастного еврея.

“Ты был прав, – сказал мне Государь, – теперь скажи, чем могу я вознаградить его невинное заключение?” – “Деньгами, – отвечал я, – этот народ

готов за сто рублей просидеть и год в крепости”. Его Величество приказал выдать жиду 4 т. рублей. Много ли таких людей, готовых так честно сознать свою ошибку?”³⁶.

Если этого свидетельства покажется недостаточно, то приведём другое, принадлежащее перу популярнейшего в пушкинскую пору, а ныне известного ныне лишь специалистам Н. И. Греча: “Николай Павлович строг и взыскателен, но благороден и откровенен. Употребляя таких людей, как граф Бенкендорф, граф Орлов, Максим Яковлевич фон Фок, Леонтий Васильевич Дубельт, он отнял у высшей полиции всё злобное, коварное, мстительное. Дай Бог ему много лет здравствовать!”³⁷.

“При Николае, – писал Греч, – поступали иногда крутенько, но скоро и решительно. При каком-либо доносе, промахе или недоразумении идёшь к фон Фоку или к Дубельту, или прямо к Бенкендорфу и к Орлову, объяснишь дело, оправдаешься или получишь замечание? тем и кончится. Как часто Николай просил прощения у особ, обиженных им в пылу гнева или нетерпения!”³⁸.

“Николай Павлович не был жестокосерд”³⁹. Писано это было после смерти Царя, в разгар либерализма. “Николай Павлович умер, и его можно хвалить без зазрения совести”, – скажет, предвидя обвинения в своём “царегодии”, Греч⁴⁰.

При Николае “литература служила в цензуре”, как выразился по случаю герой Ф. М. Достоевского. Вспомним хотя бы цензора Пушкина И. А. Гончарова – автора бессмертного “Обломова”, приходит на ум и цензор А. В. Никитенко – ординарный академик Императорской Академии наук, тайный советник, профессор С.-Петербургского университета, сын крепостного (сыном крепостного был и замечательный русский историк академик Н. Г. Устрялов, плотно занимавшийся в эпоху царя Николая историей русской Смуты). А председателем Комитета иностранной цензуры служил Ф. И. Тютчев.

Если вдуматься, то это комплимент Царю, назначавшему на эту должность не просто благонамеренных чиновников, а литераторов, профессионалов изящной словесности, составивших славу Великой Русской литературе.

Сживала русская литература и на царской гауптвахте, примером чему стали два Ивана: Киреевский, Васильев сын – автор замечательной статьи о “Борисе Годунове” Пушкина, и Тургенев – автор изумительных “Записок охотника”. Сидел, несмотря на заступничество шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа, за недоброжелательные статьи о Пушкине и эксперт III Отделения, отец русской журналистики, основатель жанра русского плутовского романа Ф. В. Булгарин, произведения которого ещё при его жизни были переведены на английский, французский, нидерландский, немецкий, испанский, итальянский, шведский, польский, чешский языки. А ведь он, равно как и Пушкин, “был на дружеской ноге” с декабристами и водил дружбу с А. С. Грибоедовым, о котором оставил свои тёплые воспоминания⁴¹.

Царь то и дело пресекал выходящую из берегов и “переходившую на личности” литературную полемику и критику. Бросим в него камень и за это?

Государь (в отличие от нас, для которых “Пушкин – это наше всё”) разделял для себя Пушкина-человека и Пушкина-поэта. По-царски, по-человечески не мог не разделять. Но не то же ли самое делаем и мы, когда речь заходит о наших знакомых и близких? Отсюда и двойственность оценок Царя. И о том же говорил сам Пушкин:

*Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружён;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.*

В письме (писанном по-французски) от 3 (15) февраля 1837 года к сестре Анне Павловне, супруге принца Вильгельма Оранского, относительно гибели поэта говорилось: “Пожалуйста, скажи Вильгельму, что я обнимаю его и на этих днях пишу ему, мне надо много сообщить ему об одном трагическом событии, которое положило конец жизни весьма известного Пушкина, поэта; но **это не терпит любопытства почты**”⁴².

Как видим, Николай знал больше того, что мог доверить бумаге. И это было вполне обоснованно: ведь речь шла о дипломатическом скандале с голландским посланником, приёмным сыном которого был Дантес. Отметим строгое и неукоснительное соблюдение им правил секретности даже тогда, когда речь касалась монаршей переписки. Что же удивляться, если Царь внимательно отслеживал поведение и корреспонденцию не вполне благонамеренного (как казалось многим) подданного? Это сейчас мы знаем об истинной гражданской позиции и политических убеждениях Пушкина. Да и то во многом благодаря самому Николаю Павловичу.

А в письме к другой своей сестре – Марии Павловне, Великой герцогине Саксен-Веймарской, – Николай скажет: “Здесь нет ничего такого любопытного, о чём бы я мог тебе сообщить. Событием дня является трагическая смерть пресловутого (*trop fameux*) Пушкина, убитого на дуэли неким, чья вина была в том, что он, в числе многих других, находил жену Пушкина прекрасной, притом, что она не была решительно ни в чём виновата.

Пушкин был другого мнения и оскорбил своего противника столь недостойным образом, что никакой иной исход дела был невозможен. По крайней мере он умер христианином. Эта история наделала много шума, а так как люди всегда люди, истина, с которой ты не будешь спорить, размышление весьма глубокое, то болтали много; а я слушал – занятие, идущее впрок тому, кто умеет слушать. Вот единственное примечательное происшествие”⁴³.

В ответном письме Марии Павловны говорилось: “То, что ты мне сообщил о деле Пушкина, меня очень огорчило: вот достойный сожаления конец, а для невинной женщины ужаснейшая судьба, какую только можно встретить. Он всегда слыл за человека с характером мало достойным наряду с его прекрасным талантом...”

Такой **изобразил** ситуацию Николай.

Что **думал** он по поводу гибели Поэта, мы не знаем.

... Незадолго до своей смерти Пушкин дал Царю слово, что больше не будет драться на дуэли. Напомним, что дуэль каралась законом. Слово своё он не сдержал. Умиравший Пушкин просил у Царя прощения за нарушение своего слова и закона, и Царь простил Поэта и выразил свою посмертную благодарность. В Записке, переданной В. А. Жуковскому, он распорядился:

1. Заплатить долги Пушкина.
2. Заложенное имение отца очистить от долга.
3. Назначить вдове пенсион и дочерям по замужеству.
4. Отдать сыновей Пушкина в пажи и назначить на воспитание каждого по 1500 р. по вступлении на службу.
5. Издать сочинения поэта на казенный счёт в пользу вдовы и детей.

Позже Царь скажет Д. В. Дашкову, а тот передаст его слова П. А. Вяземскому: “Какой чудак Жуковский! Пристаёт ко мне, чтобы я семье Пушкина назначил такую же пенсию, как семье Карамзина. Он не хочет сообразить, что Карамзин человек почти святой, а какова была жизнь Пушкина?”⁴⁴.

Мало кто знает, что, стоя в Таврическом дворце у гроба Карамзина, Государь Николай Павлович **плакал**⁴⁵. Конечно, за решение установить размер пенсии семье Пушкина ниже, чем семье Карамзина, Царя можно было бы и пожурить, но будем помнить: распорядителем финансов был именно он, Николай, и он осуществлял своё право, более походившее на милость, ибо никакой юридической **обязанности** обеспечивать семью Пушкина на нём не лежало.

* * *

“Я перечитал все письма, им от вашего сиятельства полученные, – писал Бенкендорфу Жуковский, – во всех них, должен сказать, выражается благое намерение. Но сердце моё сжималось при этом чтении... Его положение не переменилось; он всё был как буйный мальчик, которому страшишься дать волю, под строгим, мучительным надзором. Все формы этого надзора были благородные, ибо от вас оно не могло быть иначе. Но надзор всё надзор. Годы проходили; Пушкин созревал; ум его остепенялся. А прежде против него предубеждение, не замечая внутренней нравственной перемены его, было то же и то же. Он написал “Годунова”, “Полтаву”, свои оды “К клеветникам

России”, “На взятие Варшавы”, то есть всё своё лучшее, принадлежащее нынешнему царствованию, а в суждении об нём все указывали на его оду “К свободе”, “Кинжал”, написанный в 1820 году; и в 36-летнем Пушкине видели всё 22-летнего... Такое положение могло ли не быть огорчительным?”⁴⁶.

Пушкин имел репутацию не вполне благонадёжного и не избавился от неё до самой смерти. Примеров тому — тьма. В 1830 году профессор естественного права Нежинского лицея Белоусов счёл своим долгом доложить по начальству, что “некоторые ученики пансиона читают тайно книги неприличные их возрасту и держат у себя сочинения Александра Пушкина и других подобных”⁴⁷.

Были то и впрямь стихи Пушкина или приписываемые ему, не имеет значения.

“Все мы лишились нашей прекраснейшей литературной славы, одного из самых высоких умов нашей эпохи, на коих с любовью и гордостью указывает иностранцам всякий человек, истинно преданный земле своей, предьявляя тем право на их уважение”, — напишет П. А. Вяземский родному брату Царя — Великому Князю Михаилу Павловичу⁴⁸.

Для того чтобы увидеть в только что ушедшем близком человеке “один из самых высоких умов эпохи”, надо было самому обладать недюжинным умом, тонкой душой и горячим сердцем.

Как мы знаем и помним, молодой Государь должным образом оценил ум Пушкина при первой же встрече с ним.

Советские историки и литературоведы любили лишний раз обвинить Николая Павловича в том, что “даже мёртвый Пушкин оставался под царским надзором”, в результате которого к А. Тургеневу, сопровождавшему тело поэта к месту его последнего упокоения, был приставлен жандармский капитан.

Читаем, однако, записку, поданную А. Х. Бенкендорфом Государю: “Александр Строганов⁴⁹ только что был у меня; его отец прислал его ко мне, чтобы испросить разрешение Вашего Императорского Величества Данзасу сопровождать тело Пушкина в Псковскую губернию, где его хоронят.

Я думаю, что это трудно сделать, так как он уже предан суду; но, может быть, было бы хорошо возложить эту обязанность на одного из друзей покойного. С своей стороны, я уже избрал вчера одного жандармского офицера, который, **облегчая путешествие**, будет следить за всем, что будет происходить во время пути.

А. Бенкендорф”⁵⁰.

На докладной записке Генерала Государь оставил пометку: “Я уже сделал очень много, разрешив ему (Данзасу) свободу до похорон; я не могу сделать больше, не входя в противоречие с самим собою. Почему Тургенев, который обивает пороги, не сопроводит его?”⁵¹.

Это “облегчая путешествие” имело тогда сугубо практический смысл: его можно с полным на то основанием рассматривать, как заботу и о покойном Пушкине, и о сопровождавшем тело поэта А. Тургеневе: присутствие жандармского офицера обеспечивало беспрепятственное и своевременное получение лошадей от “диктаторов почтовых станций” — станционных смотрителей. Подорожная, предьявленная лицом неофициальным (“партикулярным”), такого эффекта могла и не возыметь, ибо получали лошадей в порядке чинов⁵².

Так благодаря уважительному отношению Царя и Бенкендорфа к покойному, жандармский штабс-капитан Ф. С. Ракеев (1797–1879), сопровождавший гроб с телом Пушкина до Святых гор, войдёт в историю⁵³.

Правила хорошего тона и академическая традиция диктуют железное правило: не приводить в тексте слишком длинных цитат. Сделаем исключение и зачитаем письмо П. А. Вяземского своему другу А. Я. Булгакову почти целиком:

“Смерть его (Пушкина. — Авт.), — писал Вяземский, — произвела необыкновенное впечатление в городе, то есть не только смерть, но и болезнь, и самое происшествие. Весь город, во всех званиях общества, только тем и был занят. Мужики на улицах говорили о нём. Я недавно спросил у своего извозчика, жаль ли ему Пушкина? — “Как же не жалеть? — отвечал он мне, — все жалеют: он, слышь, был умная голова; таких и Государь любит”. Участие, которое было принято публикою и массою в этом несчастье, могло бы служить лучшим возражением на письмо Чадаева⁵⁴, и Чадаев, глядя на общую скорбь, нанесённую несчастьем одного лица, должен был бы признаться, что у нас

есть отечество, есть чувство любви к отечеству, есть живое чувство народности. Ибо что говорило тут, что выражалось слезами, сетованиями, благодарностью к Государю (усладившему словом прощения, словом милости жён и детям, последние страдания умирающего), что выражалось тут, как именно не это чувство патриотизма, которое неминуемо должно сосредоточиваться в некоторых лицах, избранных и посланных Провидением на славу народа и современных им эпох? Многие этого не поняли или не хотели понять.

Они не знали, или знать не могли (потому что грамота Богом не каждому даётся), что публика, что Петербургская Россия оплакивает в Пушкине — творца “Полтавы”, “Бориса Годунова”, будущего историка Петра Великого, творца сотней произведений, отличающихся необыкновенным дарованием. Им всё казалось, мерещилось, или прикидывались они, что ближние Пушкина и подбитая ими какая-то партия оплакивает в нём творца каких-то старинных, детских его вольнодумных стихов, о которых сам Пушкин не помнил, коими он не дорожил, ни он, ни друзья его, из коих многие даже не им были писаны, а ему приписывались литературною полициею или полицейскою литературою нашею (ибо у нас довольно и той, и другой). От сего возникли разные нелепые толки, недобросовестные суждения, полоумные опасения между некоторыми людьми и в некоторых салонах высшего общества, или, лучше сказать, презрительной coterie⁵⁵), в таких людях, у которых ничего нет русского ни в уме, ни в сердце, которые русские разве только русскими деньгами, набивающими их карманы, и русскими лентами, обвешивающими их плеча. Для них то, что было чистого, симпатического русскому чувству в Пушкине, не существовало. Русская история, Русская поэзия, Русская интеллектуальная слава — всё это для них мёртвая буква. В них нет струн на все эти священные, родные звуки. Они Пушкина знали по некоторым недостаткам его, по неосторожным вспышкам раздражительного ума, по некоторым его стихотворным шалостям, которые подслушивала и собирала полиция, подобно ассенизаторам, которые только и знают и богатых, и порядочных людей как по предмету, который из домов их ночью вывозят они в кадках своих. Они видели в Пушкине политическое лицо. Нелепость! Во-первых, у нас нет и быть не может политических лиц, к тому же Пушкин был просто поэт. Они ненавидели в Пушкине запевалу оппозиции. Нелепость! У нас нет и быть не может оппозиции, потому что оппозиции не к чему применить: нет свободы печатания, нет трибун. Без особенной глупости, без мономании нельзя постричь себя в оппозицию келейную. Посвятить себя у нас оппозиции то же, что сделаться политическим трапистом⁵⁶, к тому же Пушкин был душою предан Государю. Он любил его по личной благодарности, по влечению чувства, любил характер его, Русское его чувство, царское молодечество. Тысячу раз говорил он мне о том. (На мёртвого лгать не буду, даже в оправдание ему.) Они видели в Пушкине либерала. Нелепость! Пушкин в первой молодости мог быть фрондёром. В первых воспоминаниях о современной эпохе молодости его, стихи его были отголоском мнений тогдашней молодёжи. Но и в то время, смотрите в оде его на свободу, что говорит он об убийцах. В подтверждение тому 14 Декабря нашло его неприкосновенным и оставило нетронутым. В последние годы и менее того Пушкин был либералом. Он был аристократом по чувству и убеждению. В Польскую революцию он на стороне Генриха V и остался на ней до конца, предавая посмеянию и пороча новый порядок во Франции. В Польскую мятеж мы видели по стихам его, был ли он либерал в отношении к полякам и к французам!.. Эти стихи — не торжественная ода на случай: они изливание чувств душевных и мнений, и убеждений, глубоко вкорененных. Пушкин был противник свободы печатания не только в отношении к России, но признавал её гибельным злом везде. Это всё факты. Всего этого многие не знали или знать не хотели, и сделали из Пушкина какое-то пугало, которым вздумали пугать после смерти его.

Но оставим все эти гнусности и нелепости: оне принадлежат полиции; пусть смердят и гниют оне в поганных архивах ея. История упомнит о другом. История, которая будет ценить людей не по одним их чинам и по службе по такому-то ведомству, или по такому-то кварталу, впишет имя Пушкина в число славнейших Русских имён и придаст славу его славе царствования Государя. Она не забудет, что Государь, по движению благородной царской симпатии к великому народному таланту, тотчас по восшествии на престол вызвал Пушкина из изгнания и усыновил, так сказать, талант его. Она не забудет, что

Государь, узнав от Арендта об опасном и смертельном положении Пушкина, в ту же минуту послал его к нему ночью с словом милости и с словом христианской любви, убеждая его умереть христианином, и ждал возвращения Арендта с скорбью и участием живейшего сострадания.

О, эта ночь – великая, прекрасная ночь в жизни и царствования Николая! Тут царская душа его наедине, по собственному неприготовленному чувству, незабвенно сказала России. Она будет помнить, что он стоял ангелом-утешителем при двух смертных одрах: Карамзина и Пушкина – и сделался благодетелем оставшихся их семейств. Не все равно оценят эти благодеяния, оказанные именем отечества заслугам, принесённым отечеству одним пером и талантом, потому что для некоторых подобные заслуги не существуют; но мы, более или менее принадлежащие этому десятку, чувствуем им цену. Народ также в простоте чувства своего так это понял: ему приятно было видеть участие Государя в общей скорби. Грех тем, которые перетолковали это чувство. Они будут если не в здешнем свете, то в другом отвечать за то пред Богом и Государем.

Вот тебе вместо нескольких слов, который собрался я написать, целая биография и некрология Пушкина. Покажи моё письмо Баратынскому, Раевскому, Павлу Войновичу Нащокину и всем тем, которым память Пушкина драгоценна. Более всего не забывайте, что Пушкин нам всем, друзьям своим, как истинным душеприкащиком завещал священную обязанность оградить имя жены его от клеветы⁵⁷.

И говорил это не кто иной, как давний друг Пушкина князь П. А. Вяземский. Кому же верить, как не ему?

* * *

Правительство опасалось “инцидентов”. Возможно, не зря. Вполне вероятно, что нашлись бы горячие головы и сердца, которые бы попытались поквитаться за гибель Пушкина с Геккеренами (и возможно, не только с ними). Дипломатический скандал мог выйти изрядный. Напомним к тому же, что женой Дантеса являлась фрейлина Императрицы Екатерина Гончарова – родная сестра жены Пушкина, свояченица Поэта.

Царь внимательно читал “Бориса Годунова” и по собственному опыту знал:

*...бессмысленная чернь
Изменчива, мятежна, суеверна,
Легко пустой надежде предана,
Мгновенному внушению послушна...*

Но какой русский – тогда и сейчас – осудил бы эти горячие головы? Скорее всего, метнул бы камень сам, окажись он в том времени и месте.

А слухи о готовящихся беспорядках достигали августейших ушей, о чём свидетельствует письмо всё то же П. А. Вяземского Великому Князю Михаилу Павловичу. “Возможность уличных беспорядков и враждебных власти заявлений, – писал один князь другому, Великому, – изобретена на досуге, между тем как всё было спокойно, любовь к Государю ощущалась всеми сердцами, и все благословляли его имя. Что бы ни говорили, но если полицейские донесения противоречат моим словам, то я утверждаю, будучи в том нравственно убеждён, что эти показания были неверны, что они во всяком случае могли относиться лишь к каким-нибудь отдельным словам, сказанным на ветер, не знаю, где и кем, и не имевшим никакого значения”⁵⁸.

Как водится при проведении подобных мероприятий, меры были всё же приняты, и не обошлось без “людей в штатском” (“в партикулярном платье”).

“Против кого эти переодетые, но всеми узнаваемые шпионы? – возмущалась тонкая и нежная душа Вяземского. – Они были там, чтобы не упускать нас из виду, подслушивать наши сетования, наши слова, быть свидетелями наших слёз, нашего молчания. Скажут, что это были меры общественной безопасности; согласен, но меры эти оскорбительны для тех, против кого они принимаются, а коль скоро оскорбление незаслуженно, не вдвойне ли оно тяжко?”⁵⁹.

В век сентиментализма и романтизма действия властей по обеспечению общественной безопасности были в диковину и оскорбляли честь и достоинство благородных и нежных душ.

... Свидетели и очевидцы, собравшиеся ночью у здания Конюшенного ведомства, как один говорят о том, что во время отпевания площадь перед придворной церковью представляла собой “сплошной ковер из человеческих голов и что когда тело выносили из церкви, то шествие на минуту загнулось: на пути лежал кто-то большого роста, в рыданиях. Его попросили встать и посторониться. Это был князь П. А. Вяземский”⁶⁰.

* * *

Оба – и Царь, и Поэт – были решительны, смелы и храбры.

Пушкин многократно стрелялся на дуэли. “Хладнокровие Пушкина к смерти, – вспоминал В. И. Даль, – было всем известно. У него было 4 поединка; все 4 раза он стрелялся всегда через барьер; всегда первый подходил быстро к барьеру, выжидал выстрела противника и потом – 3 раза оканчивал дело шуткою и заключал стихом”⁶¹.

Вдобавок Пушкин питал жадный интерес к фигурам авантюристов и отважных чудаков. С одним из таких задира и драчунов – графом Ф. И. Толстым-Американцем (“алеутом”), выведенным А. С. Грибоедовым в “Горе от ума”, – он едва не подрался на дуэли.

Пушкин рвался в действующую армию.

“Есть упоение в бою...”

Не его вина, что ему так и не удалось поучаствовать в сражении.

Царь проявил мужество 14 декабря: он был готов погибнуть, исполняя свой долг. Жизнь Царицы и детей тоже висела на волоске.

Он проявит милость к падшим и смягчит приговор бунтовщикам (“головорезам”, как скажет о них П. А. Вяземский⁶²), готовившимся и готовым зарезать его и всю его семью.

Он будет остро переживать, что пролилась кровь его подданных. “Дорогой, дорогой Константин! – напишет он по горячим следам своему брату. – Ваша воля исполнена: я – Император, но какою ценою, Боже мой! Ценою крови моих подданных! Милорадович смертельно ранен. Шеншин, Фредерикс, Стюрлер – все тяжело ранены. Но наряду с этим ужасным зрелищем сколько сцен утешительных для меня, для нас! Все войска, за исключением нескольких заблудшихся из Московского полка и Лейб-гренадерского и из морской гвардии, исполнили свой долг как подданные и верные солдаты, все без исключения... <...> Я надеюсь, что этот ужасный пример послужит к обнаружению страшнейшего из заговоров, о котором я только третьего дня был извещён Дибичем. Император перед своей кончиной уже отдал столь строгие приказания...”⁶³.

Несомненно, Николай искренне переживал, что была пролита кровь его подданных: в письме к брату, да ещё в такой день и час ему не имело смысла лукавить. Ещё можно привести слова Царя из “Завещания”⁶⁴ (1835 г.), обращённого к сыну – Наследнику-Цесаревичу: “Ежели б, чего Боже сохрани, случилось какое-либо движение или беспорядок, садись сейчас на коня и смело явись там, где нужно будет, призвав, ежели потребно, войско, **и усмиряй, буде можно, без пролития крови. Но в случае упорства, мятежников не щади, ибо, жертвуя несколькими, спасаешь Россию**”⁶⁵.

Царь был ярко выраженный, мощный харизматик. Он проявил необычайное мужество и в “мирное время” – в 1831 году при подавлении холерного бунта. Вот что доносит до нас со слов Императрицы Александры Фёдоровны её фрейлина М. П. Фредерикс: “Николай Павлович отправился один в коляске на Сенную площадь, въехал в середину неистовствовавшего народа и, взяв склянку Меркурия (“меркурий”, то есть ртутный препарат, употреблявшийся при лечении. – Авт.), поднёс её ко рту, – в это мгновение бросился к нему случившийся там лейб-медик Аренд, чтобы остановить Его Величество, говоря: “Votre Majeste perdra dents”⁶⁶; Государь, оттолкнув его, сказал: “Eh bien, vous me ferez une machoire”⁶⁷, – и проглотил всю склянку жидкости, чтоб доказать

народу, что его не отравляют, — тем усмирил бунт и заставил народ пасть на колени перед собой! Эти два случая очень известны в истории Николая Незабвенного, но нельзя их пропустить, когда о нём вспоминаешь; они слишком хорошо выставляют его благородный характер. Он всегда готов был жертвовать собой за справедливость и пример”⁶⁸.

Словом, Государь один, без всякой охраны въехал на площадь, на которой бушевала толпа, и привёл её в чувство. Чем всё могло закончиться, известно было только Богу — ведь Николай регулярно знакомился с поступавшими к нему одна за другой реляциями о гибели от рук бунтовщиков солдат, офицеров и медиков.

Усмирению Царём холерного бунта Пушкин посвятит стихотворение “Герой”. Под своим стихотворением Пушкин выставил число — “29 сентября 1830”. Это день прибытия Государя в Москву во время холеры. “В этом стихотворении, — как писал П. А. Вяземскому историк и литератор М. П. Погодин, — самая тонкая и великая похвала нашему славному Царю. Клеветники увидят, какие чувства питал к нему Пушкин, не хотевший, однако ж, продираться со льстецами”⁶⁹.

Отважный поступок Царя восхитит Гоголя.

По поводу усмирения Царём возмущения, грозившего обернуться царевубийством и погромами, Пушкин запишет в своём дневнике: “Народ не должен привыкать к царскому лицу как обыкновенному явлению. Расправа полицейская должна одна вмешиваться в волнения площади, — и царский голос не должен угрожать ни картечью, ни кнутом.

Царю не должно сблизиться лично с народом. Чернь перестаёт скоро бояться таинственной власти и начинает тщеславиться своими сношениями с Государем. Скоро в своих мятежах она будет требовать появления его как необходимого обряда. Доныне Государь, обладающий даром слова, говорил один; но может найтись в толпе голос для возражения”⁷⁰.

Скажи Пушкин это сейчас, то по праву мог бы претендовать на учёную степень доктора политических наук без защиты диссертации.

* * *

П. М. Бицилли отметил схожесть ряда положений “Завещания” Николая I с наставлениями, что давал пушкинский Борис Годунов своему сыну — наследнику Престола. “По своему составу и даже по плану, — писал сей известный тонкостью своего анализа исследователь, — “Завещание Николая I” почти всецело совпадает с последним монологом Бориса Годунова: советы, как предотвратить возможные смуты при вступлении на престол, как постепенно входить в обязанности правителя, наставления касательно обращения с членами царской семьи, наконец, сентенции общеморального характера”⁷¹.

Эту схожесть он объяснял следующим образом: “Влияние образца сказалось в Завещании не только на выборе предметов, насчёт которых даются наставления, но и на способах выражения. Николай I знал, как видно, монолог наизусть — нельзя же предположить, что он заглядывал в “Бориса Годунова”, когда писал своё “наставление”. Согласно “Запискам А. О. Смирновой”, Николай I был в восхищении от некоторых сцен пушкинской трагедии [сноска П. М. Бицилли: “В словах завещания: **“пренебрегай ругательствами и паквилями, но бойся своей совести”** (подчёркнуто в подлиннике) можно, мне кажется, видеть реминисценцию из другого монолога Бориса: “Достиг я высшей власти”] и особенно выделял последний монолог Бориса”⁷².

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовётся...*

* * *

“Христианской кончины живота нашего безболезненной, непостыдной, мирной у Господа просим”, — говорится в просительной ектении. Как люди верующие, Поэт и Царь не могли не вспоминать эти слова на смертном одре, и уход обоих был христианским.

Первым уходил Пушкин. “Он умер христианином”, — скажет о Пушкине Царь. Друг и издатель Пушкина П. А. Плетнёв говорил: “Глядя на Пушкина, я в первый раз не боюсь смерти”⁷³.

* * *

Царь узнал о дуэли Пушкина благодаря своему личному доктору — Н. Ф. Арендту. Не застав Государя, он сказал камердинеру, чтобы по возвращении Государя ему было донесено о случившемся. Около полуночи к Арендту приехал фельдъегерь с повелением от Государя немедленно ехать к Пушкину, прочитать ему письмо, написанное царём собственной рукой, и тотчас обо всём ему доложить. “Я не лягу, я буду ждать”, — сказал Николай своему лейб-медику и стал ждать его возвращения.

Смерть — это момент истины. Перед уходом из этого мира всё второстепенное отходит на задний план и проявляется сущность человека. И то, что Государь послал к смертельно раненому Пушкину своего личного доктора — Н. Ф. Арендта, которому бесконечно доверял как профессионалу высочайшего класса и человеку, — стало проявлением глубокого человеческого внимания и сочувствия.

“Еду к Государю, не прикажете ли что сказать ему?” — спросил Пушкина Арендт.

“Скажите, — отвечал Пушкин, — что умираю и прошу у него прощения за себя и за Данзаса” (брат московского, бывший лицейским товарищем, верным другом в жизни и по смерти, и за час до поединка попавшийся ему на улице и взятый в секунданты).

Ночью возвратился к нему Арендт и привёз ему для прочтения собственноручную записку, карандашом написанную Государем, почти в таких словах: “Если Бог не приведёт нам свидеться в здешнем свете, посылаю тебе моё прощение и последний совет: умереть христианином. О жене и детях не беспокойся: я беру их на свои руки”.

Пушкин был чрезвычайно тронут этими словами и убедительно просил Арендта оставить ему эту записку; но Государь велел её прочесть ему и немедленно возвратить.

“Скажите Государю, — говорил Пушкин Арендту, — что жалею о потере жизни, потому что не могу изъявить ему мою благодарность, что я был бы весь его”.

Эти слова слышаны мною и врезались в память и сердце моё по чувству, с коим они были произнесены”⁷⁴.

Когда Арендта спросили, будет ли Пушкин жить, тот ответил: “Наша вся медицина ничего не сделает без Царя Небесного. Земной же Царь Русский излил всю милость свою на страдальца и вниманием своим помогает Александру Сергеевичу. Чего доброго, царские слова совершат чудо и возвратят России Пушкина”⁷⁵.

Добавим к тому, что лейб-медик Государя, уроженец города Казани, лютеранин Николай Фёдорович Арендт был высочайший профессионал, самоотверженный полевой хирург, проделавший с Русской армией путь до Парижа, и замечательный человек с тонкой и чистой душой.

Пришёл священник, исповедал и причастил Поэта. Это был о. Пётр Песоцкий из *Конюшенной церкви*, **полковой священник, прошедший с Русской армией войну 1812 года. В этом же храме Пушкина и отпевали. Церковь была придворной, но на совершение в ней чина погребения Пушкина было получено особое разрешение Царя.**

Дочь Н. М. Карамзина Е. Н. Мещерская вспоминала: “Священник говорил мне после со слезами о нём и с благочестием, с коим они исполнили долг христианский. Пушкин никогда не был *esprit fort*⁷⁶, по крайней мере, не был им в последние годы жизни своей; напротив, он имел сильное религиозное чувство: читал и любил читать Евангелие, и был проникнут красотою многих молитв, знал их наизусть и часто твердил их”⁷⁷.

“Я стар, мне уже недолго, а что мне обманывать? — говорил ей о. Пётр. — Вы можете мне не верить, когда я скажу, что я для себя самого желаю такого конца, какой он имел”⁷⁸.

“Кончена жизнь, — сказал умирающий несколько спустя и повторил ещё раз внятно: — Жизнь кончена... Дыхание прекращается”. И осенив себя крестным знамением, произнёс: “Господи Иисусе Христе...”.

“Он скончался так тихо, что предстоящие не заметили смерти его”⁷⁹.

“Удивительно был лёгок!” — припоминал А. О. Россет⁸⁰, участвовавший в перенесении тела со стола в гроб⁸¹.

* * *

“Россия Им жила, как жил и Он Россией”, — скажет о Царе Николае П. А. Вяземский⁸². Писаны эти строки были тогда, когда для “прогрессивной общественности” Николай I давно уже стал синонимом казармы и “тупого деспотизма”.

Вспоминает Е. М Косарев (1818–1891) — отставной штабс-капитан, командир роты 1 Оренбургского линейного батальона, в котором отбывал службу Т. Г. Шевченко: “Точно гром с неба! — получаем известие о смерти Императора Николая Павловича. Пригорюнились-таки мы все при этом, а очень, очень многие-таки и всплакнули-с...”⁸³.

Об уходе Царя мы знаем немного: в отношении официальных сообщений о кончине первых лиц государства традиционно действует “презумпция фальсификации”. И нельзя сказать, что она совсем уж безосновательна.

Тотчас же после сообщения о смерти Государя по столице, а затем и по всей России поползли слухи о его самоубийстве, о том, что он принял яд, получив очередную неутешительную репликацию с Крымского театра военных действий. Эта версия смерти царя гуляет по стране со дня его кончины и по сию пору: и либералы, и коммунисты ненавидели и продолжают ненавидеть Николая.

Известный советский историк академик Е. В. Тарле, посидевший в советской тюрьме, скажет осторожно, что версия самоубийства принципиально недоказуема. Это и впрямь так.

Но давайте подойдём к вопросу об уходе Царя с другой стороны.

Начнём с того, что сам Николай наверняка счёл бы добровольный уход из жизни в критический момент войны трусостью и дезертирством. Но трусом и дезертиром он не был, что доказывается всей его предшествующей жизнью.

И, наконец, главное: Царь был глубоко верующим православным человеком, для которого самоубийство есть тяжчайший — смертный грех. И если бы дело шло о гибели души лишь самого Николая Павловича. Царь и без пушкинского “Бориса Годунова” знал и чувствовал, что отвечает перед Богом за державу, ему вверенную, равно как и то, что держава, то есть Россия, будет расплачиваться за грехи своего Вождя и Самодержца.

*О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь! —*

напишет спустя полвека другой поэт, другой Александр, прозванный современниками “Александром вторым”. А для Царя Николая Россия была больше, чем жена.

Служить России верно и самоотверженно — не за страх, а за совесть — он наказывал своему наследнику — будущему Александру Второму.

Все наблюдатели отмечали неліцемерную, идущую от сердца благочестивость Царя. Блюсти церковный чин было для него то же, что соблюдать воинскую дисциплину. В книге о последних днях и часах его жизни приводится такой факт: Николай Павлович уже слёг, болезнь прогрессировала, и его жена Александра Фёдоровна предложила ему причаститься. Царь возразил: причащаться Св. Таин он будет лишь тогда, когда сможет это сделать предписанным сему образом, то есть стоя, как это обычно делается, причём в храме.

“Я рад и желаю исполнить эту обязанность, — говорил жене Николай, — но когда буду на ногах, когда Бог даст мне облегчение. Лёжа и не одетый, могу ли приступить к такому великому Делу?”⁸⁴.

И ещё одно. В официальном источнике сообщается такая маленькая деталь, которую едва ли стали бы выдумывать. Да и с какой стати? Царь велел положить возле своего гроба “маленький образ Богородицы Одигитрии”⁸⁵.

Напомним: “Одигитрия” – это “Путеводительница”. Мог ли Николай, задумавший-де наложить на себя руки, надеяться на милость Богородицы Путеводительницы, у Которой он искал заступничества?

Неужто уйдя вольной волею из жизни, он уповал на то, что Богородица избавит его хотя бы от воздушных мытарств?⁸⁶

Предполагать такое просто нелепо.

А это уже из наставления Царя сыну. Писанное в 1835 году: “Соблюдай строго всё, что нашей Церковью предписывается. <...> Пренебрегай ругательствами и пасквилями, но бойся своей совести. Вот, любезный Саша, в коротких словах моё последнее тебе наставление. Да благословит тебя Бог всемилосердный, на Него одного возлагай всю твою надежду. Он тебя не оставит, доколь ты к Нему обращаться будешь. Ступай смело, и велик Бог Русский”⁸⁷.

А вот что говорил о Николае одному из своих собеседников великий русский святой Серафим Саровский: “А ты уж, батюшка, не о нём пекись – его Господь сохранил: он велик перед Богом – он в душе христианин”.

Преподобный Серафим, зривший за добрую тысячу всё происходившее 14 декабря 1825 года во граде святого Петра, выкрикнул: “Сам Господь нам Государя даровал!”

В 1859 году Государю Николаю Павловичу был установлен памятник. По проекту О. Монферрана его создал П. К. Клодт – русский офицер, сын генерала, героя Отечественной войны 1812 года, чей портрет висит в галерее Зимнего дворца. Это уникальный для России памятник: он стоит на двух опорах (в отличие от Медного всадника, имеющего три опорные точки). Конь норовит подняться на дыбы, но сидящий в седле рыцарь уверен в себе, величав и спокоен: он не даст горячему и своенравному коню сбросить седока и пуститься невесть куда вскачь.

Он обращён к собору, возведённому волею Царя Николая в честь св. Исаакия Далматского, в день памяти которого родился Пётр Великий, – первого игумена Далматской обители, что в предместье Константинополя – Царьграда.

Русский Царь взирает на храм Царьграда.

Когда-то эта символика была понятна всем.

Несмотря на непреходящие злобу и ненависть к покойному Государю со стороны всё проигравших либералов и захвативших власть большевиков, памятник русскому Самодержцу устоял даже в новую Русскую Смуту⁸⁸.

Его не раз порывались сдать в утиль, но этому всегда что-то мешало.

При взгляде на памятник его хочется по аналогии с творением Фальконе-та назвать “Железным Всадником”.

* * *

...1836 год. Август. Дождь. Ночь. Царь вместе со своим верным товарищем, героем 1812 года, едет без охраны и свиты с очередной “ревизией”. Он хочет снова сам, своими глазами посмотреть на то, как идут дела в его необозримом “хозяйстве”. А в таком случае всякая охрана и сопровождение лишь помеха делу.

Дорога грязна и неровна. Близ уездного городка Чембар, что лежит между Пензой и Тамбовом, закрытая коляска переворачивается.

У Царя сломана ключица. Бенкендорф же (как всегда) цел и невредим. Позже он запишет для себя в своей тетради: “Видя передо мною сидящим на голой земле с переломанным плечом могущественного владыку шестой части света, которому, кроме меня, никто не прислуживал, я был невольно поражён этою наглядною картиною суеты и ничтожества земного величества. Государю пришла та же мысль, и мы разговорились об этом с тем религиозным чувством, которое невольно внушала подобная минута. Нам пришлось добираться пешком...”

Два человека несут по жизни свой тяжкий крест.

У Царя, при виде которого гордый и независимый Пушкин испытал, по его собственным словам, “подлость во всех жилках”, этот крест и вовсе неподъёмен.

Сейчас он сидит на сырой земле и рассуждает вместе со своим старым товарищем о мирской бренности.

Всё в руцех Божиих. Всё-всё-всё.

Однако ж пора в путь. Плечо ноет всё сильнее, идти всё тяжелее.
Двое – Царь и его верный генерал – идут паломниками по нескончаемой
ночной дороге.
Идут по России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Модзалевский Б. Л. Пушкин под тайным надзором. 3-е издание. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии наук. Л.: Атеней, 1925. С. 15.
- ² По преданию, которое приводит в своей книге М. И. Сухомлинов, вслед за объяснением у М. А. Милорадовича относительно возмутительных стихов, которые переписывали в казармах гвардейские офицеры, Пушкина потребовали к Государю. Император Александр I выразил Пушкину своё неудовольствие и сказал ему: “Ты мне даёшь советы, как управлять Россией; но ты ещё очень молод и совсем не знаешь России, а потому я и пошлю тебя изучать её”. Поприщем для изучения, т. е. местом ссылки, был южный край России”. Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Том 2. С.-Петербург. Издание А. С. Суворина, 1889. С. 208.
- ³ *Записки Николая I // Междоусобие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов Царской семьи.* / Подг. Б. Е. Сыроечковский. М.; Л.: Государственное издательство, 1926. С. 13-14.
- ⁴ *Выписки из писем Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа к Императору Николаю I о Пушкине.* // Старина и новизна. Исторический сборник. Книга шестая. С.-Петербург. 1903. С. 4.
- ⁵ Бенкендорф А. Х. Записка Бенкендорфа о тайных обществах в России. // Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855. По подлинным делам Третьего Отделения Собств. Е. И. Величества Канцелярии. Издание второе, С. В. Бунина. С.-Петербург, 1909. С. 581.
- ⁶ *Манифест 13 июля 1826 года.* Цит. по: Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Том первый-второй. СПб: Издание А. С. Суворина, 1903. С. 705.
- ⁷ Пушкин А. С. О народном воспитании // Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 355–360.
- ⁸ *Выписки из писем Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа к Императору Николаю I о Пушкине.* В переводе графини Ек. П. Шереметевой. С предисловием и примечаниями Н. П. Барсукова. // Старина и новизна. Исторический сборник. Книга шестая. С.-Петербург. 1903. С. 5.
- ⁹ *Манифест 13 июля 1826 года.* Цит. по: Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Том первый-второй. СПб: Издание А. С. Суворина, 1903. С. 705.
- ¹⁰ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. Том XI (1853–1862 г.). С.-Петербург: Издание Графа С. Д. Шереметева, 1887. С. 201.
- ¹¹ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. Том XI (1853–1862). С.-Петербург: Издание Графа С. Д. Шереметева, 1887. С. 344–345.
- ¹² Модзалевский Б. Л. Пушкин под тайным надзором. 3-е издание. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии наук. Л.: Атеней, 1925. С. 17-18. Приводимые Бибиковым строфы взяты из стихотворения Пушкина “Свободы сеятель пустынный”, сообщённого автором в письме к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 года. Впервые опубликовано это стихотворение было лишь в 1867 году.
- ¹³ Былов Н. Пушкин как основа контрреволюции. Буэнос Айрес: Б. и., 1953.
- ¹⁴ Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855. По подлинным делам Третьего Отделения Собств. Е. И. Величества Канцелярии. Издание второе, С. В. Бунина. С.-Петербург, 1909. С. 499.
- ¹⁵ *Картина общественного мнения в 1830 году // Россия под надзором.* Отчеты III отделения 1827–1869. М.: Российский Фонд культуры, Государственный Архив Российской Федерации “Российский Архив”, Студия “ТРИТЭ” Никиты Михалкова, 2006. С. 71-72.
- ¹⁶ Пушкин А. С. Письмо П. А. Вяземскому от 10 июля 1826 г. // Собрание сочинений в 10 томах. Том 9. Письма 1815–1830. М.: ГИХЛ, 1962. С. 235.

- ¹⁷ Выписки из писем Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа к Императору Николаю I о Пушкине. В переводе графини Ек. П. Шереметевой. С предисловием и примечаниями Н. П. Барсукова. // Старина и новизна. Исторический сборник. Книга шестая. С.-Петербург. 1903. С. 11.
- ¹⁸ В 1853 году дочь Пушкина Наталия Александровна (1836–1913) выйдет замуж за сына Дубельта – Михаила Леонтьевича (1822–1900). Брак окажется несчастлив, и Наталия Александровна выйдет замуж вторично. Теперь уже за нидерландского принца Николая-Виллема Нассауского (1832–1905).
- ¹⁹ Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и “сердечного воображения”. С.-Петербург: Типография Академии Наук, 1904. С. 365.
- ²⁰ Пушкин А. С. О народном воспитании // Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 358.
- ²¹ Бенкендорф А. Х. Записка Бенкендорфа о тайных обществах в России. // Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855. По подлинным делам Третьего Отделения Собств. Е. И. Величества Канцелярии. Издание второе, С. В. Бунина. С.-Петербург, 1909. С. 579.
- ²² Смирнова-Россет А. О. Записки. М.: Захаров, 2003. С. 432.
- ²³ Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855. По подлинным делам Третьего Отделения Собств. Е. И. Величества Канцелярии. Издание второе, С. В. Бунина. С.-Петербург, 1909. С. 483.
- ²⁴ Пушкин А. С. Письмо к П. А. Вяземскому. Около 25 января 1829 г. // Полное собрание сочинений. Т. 10. Письма. Л.: Наука, 1979. С. 200.
- ²⁵ Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855. По подлинным делам Третьего Отделения Собств. Е. И. Величества Канцелярии. Издание второе, С. В. Бунина. С.-Петербург, 1909. С. 12.
- ²⁶ Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855. По подлинным делам Третьего Отделения Собств. Е. И. Величества Канцелярии. Издание второе, С. В. Бунина. С.-Петербург, 1909. С. 13.
- ²⁷ Щёголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследования и материалы. Издание третье, пересмотренное и дополненное. М.; Л.: Государственное издательство, 1928. С. 231.
- ²⁸ Название одного из последних стихотворений А. С. Пушкина.
- ²⁹ Перед текстом отчёта помета: “Государь изволил читать 12 января 1838”.
- ³⁰ Обзорение расположения умов и некоторых частей государственного управления в 1837 году. // С. 165–166.
- ³¹ Бицилли П. М. Пушкин и Николай I // Московский пушкинист: Ежегодный сборник. / Российская АН. ИМЛИ им. М. Горького. Пушкинская комиссия. М.: Наследие. Вып. III. 1996. С. 320.
- ³² Благословение на труды на сём поприще Гоголь получил от русского православного священника в Бадене, что под Веной. Сведения об этом разыскал замечательный русский германист, переводчик, литературовед и критик Юрий Иванович Архипов (1943–2017) – лауреат премии “За верность Слову и Отечеству” имени Антона Дельвига. В его переводах мы читаем Ф. Ницше, С. Цвейга, Э. М. Ремарка, Г. Гессе, Г. Грасса. Переводил он, – но уже на немецкий язык – и К. Н. Леонтьева.
- ³³ Schieman n Th. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I, Bd. III. Berlin: Druck und Verlag von Georg Reimer, 1913. S. 411 (пер. Б. Эйхенбаума).
- ³⁴ *Разговоры Пушкина*. Репринтное воспроизведение издания 1929 года. М.: Издательство политической литературы, 1991. С. 168.
- ³⁵ Бицилли П. М. Пушкин и Николай I // Московский пушкинист: Ежегодный сборник. / Российская АН. ИМЛИ им. М. Горького. Пушкинская комиссия. М.: Наследие. Вып. III. 1996. С. 320–321.
- ³⁶ Дубельт Л. В. Заметки Л. В. Дубельта. // Голос минувшего. 1913. № 3. Март. С. 142.
- ³⁷ Греч Н. И. Записки о моей жизни. С.-Петербург: Издание А. С. Суворина, 1886. С. 82.
- ³⁸ Там же. С. 322–323.
- ³⁹ Там же. С. 424.
- ⁴⁰ Там же. С. 322.
- ⁴¹ *Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове* // Сын Отечества и Северный Архив. Журнал литературы, политики и современной истории,

- издаваемый Николаем Гречем и Фаддеем Булгариным. Том IX. Санкт-Петербург: В типографии Н. Греча, 1830. № 1. С. 3–41.
- ⁴² Муза Е. В., Сеземан Д. В. Неизвестное письмо Николая I о дуэли и смерти Пушкина // Временник Пушкинской комиссии, 1962 / АН СССР. Отделение литературы и яз. Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 39.
- ⁴³ Муза Е. В., Сеземан Д. В. Неизвестное письмо Николая I о дуэли и смерти Пушкина // Временник Пушкинской комиссии, 1962 / АН СССР. Отделение литературы и яз. Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 39.
- ⁴⁴ Бартенов П. И. О Пушкине. Страницы жизни поэта. Воспоминания современников. М.: Советская Россия, 1992. С. 292–293.
- ⁴⁵ Из письма князя П. А. Вяземского к великому князю Михаилу Павловичу, по поводу кончины А. С. Пушкина. // *Русский Архив*. 1879. Кн. 2. № 3 С. 393. Недостойным мужчины прилюдный плач был объявлен лишь в советское время (“большевики не плачут!”).
- ⁴⁶ Щёголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследования и материалы. Издание третье, пересмотренное и дополненное. М.; Л.: Государственное издательство, 1928. С. 230.
- ⁴⁷ Колюпанов Н. *Биография Александра Ивановича Кошелева. Том I. Книга I*. М.: Издание О. Ф. Кошелевой, 1899. С. 461.
- ⁴⁸ Вяземский П. А. Из письма князя П. А. Вяземского к великому князю Михаилу Павловичу, по поводу кончины А. С. Пушкина. // *Русский Архив*. 1879. Кн. 2. № 3 С. 393.
- ⁴⁹ Строганов Александр Григорьевич, граф (1795–1891). – Участвовал во взятии Парижа. Товарищ (заместитель. – Авт.) министра внутренних дел, генерал-адъютант Николая I, малороссийский губернатор, родственник Наталии Николаевны Гончаровой. Взял на себя расходы по организации похорон Пушкина.
- ⁵⁰ *Выписки из писем Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа к Императору Николаю I о Пушкине*. В переводе графини Ек. П. Шереметевой. С предисловием и примечаниями Н. П. Барсукова. // Старина и новизна. Исторический сборник. Книга шестая. С.-Петербург. 1903. С. 12.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² См.: Грановская Н. И. “Если ехать вам случится...”: Очерк-путеводитель, предлагающий путешествие с автором по пушкинским местам Гатчинского р-на Ленинградской обл. Л.: Лениздат, 1989.
- ⁵³ Имя Фёдора Спиридоновича Ракеева, дослужившегося до звания генерал-лейтенанта, и по сию пору носит улица в посёлке Вырица Гатчинского района Ленинградской области – “Ракеевская”. Она пересекается с проспектами Кирова и Володарского. См.: Барановский А. В. Вырица при царе. Дачный Петербург. 2-е исправленное и дополненное издание. Б. м.: Издательство “Остров”, 2007. 308 с.
- ⁵⁴ Незадолго перед тем оно появилось в журнале “Телескоп” 1836 года. 22 октября 1836 года император Николай I написал свою знаменитую резолюцию о публикации первого “Философического письма” Петра Чаадаева: русский перевод статьи, ходившей в списках уже несколько лет, был напечатан в журнале “Телескоп”, за что журнал был закрыт, издатель Николай Надеждин сослан в Усть-Сысольск, а пропустивший статью цензор Алексей Болдырев отправлен в отставку. Сам Чаадаев был объявлен сумасшедшим и помещён под принудительный медицинский надзор.
- ⁵⁵ Кружок (фр.).
- ⁵⁶ Трап(п)ист – член ордена католических монахов, строго соблюдавших обет молчания, основанного в XVII веке во французском городе Ла Трапп, давшем ему название.
- ⁵⁷ *Из писем князя Вяземского к А. Я. Булгакову // Русский архив*. 1879. Вып. 6. С. 251–253.
- ⁵⁸ Вяземский П. А. Из письма князя П. А. Вяземского к великому князю Михаилу Павловичу, по поводу кончины А. С. Пушкина. // *Русский Архив*. 1879. Кн. 2. № 3 С. 397.
- ⁵⁹ Там же. С. 398.
- ⁶⁰ *Русский Архив*. 1879. Кн. 2. № 3 С. 397.
- ⁶¹ Даль В. И. Кончина А. С. Пушкина. Записка. // К биографии Пушкина. Выпуск второй. М.: В Университетской Типографии (М. Катков), 1885. С. 177.
- ⁶² *Из писем князя Вяземского к А. Я. Булгакову // Русский архив*. 1879. Вып. 5. С. 106.

- ⁶³ Цит. по: Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Том первый. СПб: Издание А. С. Суворина, 1903. С. 298-299.
- ⁶⁴ Своё обращение к сыну Николаю назвал "Наставлением":
- ⁶⁵ *Завещание Николая I сыну.* // Красный Архив. 1923. Том третий. С. 292.
- ⁶⁶ Ваше Величество лишится зубов (франц.).
- ⁶⁷ Ну, так вы мне сделаете челюсть (франц.).
- ⁶⁸ *Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс.* // Исторический Вестник. Год 19-й, том LXXI. 1898. С. 72.
- ⁶⁹ *Сочинения и письма А. С. Пушкина.* Критически проверенное и дополненное по рукописям издание, с биографическим очерком, вступительными статьями, объяснительными примечаниями и художественными приложениями, под редакцией П. О. Морозова. Том второй. Мелкие стихотворения 1825–1836. Песни западных славян. – Сказки. Народные песни. С.-Петербург, 1903. С. 498.
- ⁷⁰ Пушкин А. С. Дневники. Записки. Санкт-Петербург: Наука, 1995. С. 25.
- ⁷¹ Бицилли П. Пушкин и Николай I // Московский пушкинист: Ежегодный сборник. / Российская АН. ИМЛИ им. М. Горького. Пушкинская комиссия. М.: Наследие. Вып. III. 1996. С. 315.
- ⁷² Бицилли П. Пушкин и Николай I // Московский пушкинист: Ежегодный сборник. / Российская АН. ИМЛИ им. М. Горького. Пушкинская комиссия. М.: Наследие. Вып. III. 1996. С. 319.
- ⁷³ Даль В. И. Кончина А. С. Пушкина. Записка. // К биографии Пушкина. Выпуск второй. М.: В Университетской Типографии (М. Катков), 1885. С. 177-178.
- ⁷⁴ *Александр Сергеевич Пушкин.* Письмо очевидца о его кончине. // Русская Старина. Том XIV, 1875. С. 92-93.
- ⁷⁵ *Выписки из писем Графа Александра Христофоровича Бенкендорфа к Императору Николаю I о Пушкине.* В переводе графини Ек. П. Шереметевой. С предисловием и примечаниями Н. П. Барсукова. // Старина и новизна. Исторический сборник. Книга шестая. С.-Петербург. 1903. С. 3.
- ⁷⁶ Вольнодумец (франц.)
- ⁷⁷ *Александр Сергеевич Пушкин.* Письмо очевидца о его кончине. // Русская Старина. Том XIV, 1875. С. 93.
- ⁷⁸ Грот Я. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Несколько статей Я. Грота с присоединением и других материалов. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1887. С. 289.
- ⁷⁹ Даль В. И. Кончина А. С. Пушкина. Записка. // К биографии Пушкина. Выпуск второй. М.: В Университетской Типографии (М. Катков), 1885. С. 180.
- ⁸⁰ Александр Осипович Россет (Россети) – родной брат Александры Осиповны Смирновой-Россет.
- ⁸¹ Бартнев П. И. О Пушкине. Страницы жизни поэта. Воспоминания современников. М.: Советская Россия, 1992. С. 292.
- ⁸² Вяземский П. А. Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. Том XI (1853–1862 г.). С.-Петербург: Издание Графа С. Д. Шереметева, 1887. С. 201.
- ⁸³ Н. Д. Н. (Н. Д. Новицкий). На Сыр-Дарье у ротного командира // Киевская старина 1889. Том XXIV. Март. С. 579.
- ⁸⁴ *Последние часы жизни Императора Николая Первого.* Санкт-Петербург: В Типографии Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1855. С. 10.
- ⁸⁵ *Последние часы жизни Императора Николая Первого.* Санкт-Петербург: В Типографии Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1855. С. 17.
- ⁸⁶ Согласно православному учению, после смерти человеческого тела ведомая ангелами душа христианина восходит к Богу. На этом пути человеческую душу встречают падшие духи, родоначальники всех грехов и пороков. Они препятствуют её восхождению своими обвинениями. Процесс этого обвинения назван мытарствами или истязаниями.
- ⁸⁷ *Завещание Николая I сыну.* // Красный Архив. 1923. Том третий. С. 293.
- ⁸⁸ На его месте хотели установить монумент командарму С. И. Будённому.